

RU

Куликовская битва в XXI в.: между наукой, мифом и образовательной программой

Боровков Д. С.

Аннотация. Цель настоящей работы – провести оценку современного состояния историографии по теме Куликовской битвы 1380 г., а также рассмотреть ситуацию с актуализацией новейших научных данных об этом событии в учебной и научно-популярной литературе. Новизна работы заключается в том, что в ней впервые осуществлен концептуальный обзор современной (после 2000 г.) историографии Куликовской битвы и проведено ее сравнение с традиционными представлениями о сражении, сформировавшимися еще в XIX – первой половине XX в. В работе рассмотрено то, как складывалась первоначальная картина Куликовской битвы, и то, как в начале XXI в. был осуществлен прорыв в ее изучении. Отмечается, что в ходе многоплановых археологических исследований было найдено и очерчено место сражения, принципиально обновлены представления о военном искусстве, численности войск и мобилизационных ресурсах русских княжеств второй половины XIV в. и др. Другими словами, представления о месте проведения, масштабах и ходе Донского побоища принципиально обновлены по сравнению со второй половиной XX в. Однако при изучении содержания современной учебной и популярной литературы было выявлено, что актуальные научные данные не нашли в ней отражения до сих пор. В широком информационном поле продолжает бытовать устаревшее представление о событиях 1380 г., сформировавшееся к середине прошлого столетия.

EN

The Battle of Kulikovo in the 21st century: between science, myth, and the educational program

D. S. Borovkov

Abstract. The aim of this work is to assess the current state of historiography on the topic of the Battle of Kulikovo in 1380, as well as to examine the situation with the actualization of the latest scientific data about this event in educational and popular science literature. The novelty of the work lies in the fact that it is the first to provide a conceptual overview of modern (post-2000) historiography of the Battle of Kulikovo and to compare it with traditional ideas about the battle, which were formed in the 19th and first half of the 20th centuries. The paper examines how the initial picture of the Battle of Kulikovo was formed, and how a breakthrough in its study was made at the beginning of the 21st century. It is noted that, in the course of multifaceted archaeological research, the site of the battle was found and outlined, and ideas about military art, the number of troops, and the mobilization resources of the Russian principalities of the second half of the 14th century were fundamentally updated. In other words, ideas about the location, scale, and course of the Battle of the Don have been fundamentally updated compared to the second half of the 20th century. However, a study of the content of modern educational and popular literature revealed that current scientific data have not yet been reflected in it. In the broad information field, an outdated view of the events of 1380, formed by the middle of the last century, continues to exist.

Введение

Куликовская битва 1380 г. – одно из важнейших событий русской истории и один из краеугольных камней российского исторического самосознания, а великий князь Московский Дмитрий Иванович Донской остается одним из национальных героев. Сегодня это событие причислено к одному из дней воинской славы России (О днях воинской славы и памятных датах России: Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 28.09.2023). Ст. 1), и проведение памятных мероприятий в честь него является во многом обязательным. Естественно, что Куликовская битва также рассматривается как важная часть учебных программ по истории на всех ступенях образовательной

системы. Более того, Куликово поле относится к одному из трех ратных полей России, на его территории создан государственный музей-заповедник (Куликово поле. <https://kulpole.ru/about/oficialnaya-informaciya>).

Обязательной частью «классического» сюжета событий 1380 г. являются благословение Сергия Радонежского, поединок Пересвета и Челубея, шесть полков построения русского войска, удар засадного полка под командованием Дмитрия Боброка-Волынского, генуэзская пехота в составе войска Мамая и т. д. Эта событийная картина давно и прочно остается основой обыденных представлений о 1380 г., на нее опираются сотни произведений научно-просветительской и художественной литературы, живописи и даже мультипликации (Возовиков В. С. Эхо Непрядвы. Исторический роман. М.: Современник, 1988; Щербаков, Дзысь, 2001).

Однако проблема традиционных представлений о Донском побоище состоит в том, что они базируются в основном на таких текстах, как «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище». Однако эти произведения возникли не ранее рубежа XV-XVI вв. и, ко всему прочему, являются памятниками художественной литературы. Другими словами, это не просто повествование о событиях, а образ, художественно переосмысленный людьми, жившими через сто и более лет после самого сражения (Азбелев, 2011; Амелькин, 2011).

Нетрудно сделать вывод, что при всей красочности и драматичности эти литературные памятники не могут быть надежными источниками по военной кампании 1380 г. В XIX-XX веках и вплоть до настоящего времени именно версия «Задонщины» и «Сказания...» остается канонической частью «национального мифа» о Донском побоище (Собенников, 2022; 2023).

Забегая вперед, отметим, что уже с 1980-х гг. и по настоящее время в Тульской области, в районе слияния рек Непрядва и Дон, ведутся систематические междисциплинарные исследования. В 2000-е годы были достигнуты большие успехи в деле археологического изучения событий 1380 г. Тем не менее поверхностный анализ показывает, что результаты этих работ пока не находят отражение в популярной или учебной литературе.

Мы считаем необходимым рассмотреть состояние современных исторических исследований Куликовской битвы, основанных на объективных источниках: данных археологии, исторической топографии, актовом материале и др. В связи с этим задачами настоящей работы являются:

- дать общую характеристику традиционных представлений о Куликовской битве 1380 г., важнейших источников их формирования и историю их бытований;
- изучить и охарактеризовать историю и результаты археологических и военно-исторических исследований Куликовской битвы за последние 30 лет;
- рассмотреть актуальную учебную литературу в части, касающейся событий 1380 г., на предмет учета в ней важнейших достижений отечественной науки.

В статье применяются методы, характерные для историографических исследований: описательно-повествовательный, который используется при изложении и характеристике важнейших вех истории изучения Куликовского сражения, а также сравнительно-исторический – при определении сходств и различий научных концепций, учебной и популярной литературы.

Так как работа носит историографический характер, то теоретическая база и материалы исследования в ней, в целом, совпадают. Во-первых, рассматриваются историографические труды, подводящие итог изучению Куликовской битвы в период XIX – третьей четверти XX в. (Кирпичников, 1976; 1980; Кучкин, 1980; Скрынников, 1980; Азбелев, 2011; Амелькин, 2011; Собенников, 2022; 2023). Во-вторых, центральное внимание занимают работы, которые условно можно назвать «новейшими». Это, в первую очередь, труды сотрудников Верхнедонской археологической экспедиции: А. Н. Наумова, О. В. Буровой (2019), М. И. Гоняного, А. Л. Александровского, М. П. Гласко (2007), Ю. А. Кулевшова, А. Н. Наумова, Т. В. Наумовой (2023), О. В. Двуреченского (2005; 2014). К ним же можно отнести отдельные статьи одного из ведущих на сегодняшний день исследователей военной истории Отечества XIV-XVI вв. В. В. Пенского (2018; 2020). Наконец, определенное внимание уделяется примерам современных учебных и популярных изданий и информационных ресурсов по истории России, которые рассматриваются на предмет того, насколько они отражают актуальные представления о Куликовской битве.

Практическая значимость работы состоит в том, чтобы привлечь как можно более широкое внимание к проблеме устаревания представлений о Куликовской битве, бытующих в популярной литературе. Кажется важным и актуальным, чтобы новейшие и научно обоснованные данные легли в основу изложения столь значимого события истории Отечества в школьных и вузовских учебниках, а также в детской и популярной исторической литературе. Этот аспект работы представляется особенно важным на фоне установки на борьбу с фальсификацией фактов отечественной истории.

Обсуждение и результаты

Остановимся подробнее на ключевых аспектах сложившегося в XIX-XX вв. «мифа» о Куликовской битве. Первый – распространенное представление о численности войск сторон. Сами «Задонщина» и «Сказание...» приводят фантастические цифры (Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982, с. 133-135, 137, 138, 141, 172, 194, 227) в несколько сотен тысяч воинов. Вплоть до второй половины XX в., не принимая на веру столь огромные значения, ученые все же верили в численность в 150-170 тыс. воинов (Соловьев, 1895, с. 978; Тихомиров, 1959, с. 352-353; Черепнин, 1960, с. 607; Кучкин, 1980, с. 11). Лишь к началу XXI в. все чаще стали появляться мнения о войске в 60-70 тыс. чел. (Скрынников, 1980; Кирпичников, 1980). Однако отметим, что, с одной стороны, все эти выводы основывались на сугубо косвенных аргументах, с другой – утверждения 50-100-150 тыс. человек до сих пор, несмотря ни на что, встречаются в научных публикациях (см. ниже).

Еще один аспект укоренившихся представлений о Куликовской битве – план-схема сражения. Начать нужно с того, что «Донскому побоищу» среди подавляющего большинства древних и средневековых сражений очень «повезло»: оно относительно точно локализуется на базе письменных источников. Как летописи, так и «Задонщина» и «Сказание...», недвусмысленно сообщают, что сражение происходило на правом берегу Дона, близ устья реки Непрядвы (Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982, с. 133, 144, 163).

Сегодня все эти географические объекты существуют, что позволило исследователям подступиться к реконструкции плана сражения, исходя из имеющейся топографии. Уже в XIX в. было предпринято несколько попыток графически изобразить схему сражения и вписать ее в имеющийся ландшафт, к югу от места впадения Непрядвы в Дон. Так, например, известны реконструкции И. Ф. Афремова 1849 г., Н. С. Голицина 1877 г. Наконец, вариант схемы сражения знаменитого военного историка Д. Ф. Масловского 1881 г. стал самым популярным (Наумов, Бурова, 2019). На данный момент именно реконструкция Д. Ф. Масловского лежит в основе бесчисленных вариаций графических схем Куликовской битвы, которые можно найти в учебниках, атласах и на просторах электронной сети.

Стоит добавить, что этот вопрос был также завязан на проблеме численности противоборствующих войск. Внушительные современные размеры Куликова поля не оставляли сомнений у историков XIX-XX вв. в возможности размещения на нем войск в 100-150 тыс. человек. Таким образом, представления о масштабе сражения и его ходе оставались практически неизменными вплоть до рубежа XX-XXI вв.

Как известно, «исторический миф», основанный, скорее, на литературно-фольклорном предании или пропаганде, а не на объективных и научно подтвержденных фактах, очень уязвим для нападков ревизионистов. В 1990-е и 2000-е гг. вместе с общей модой на «альтернативные» исторические теории также стали распространяться идеи о том, что сражения якобы не было вообще или оно происходило в другом месте (Усманов, 2011; Журавлев, 2011; Белый, 2022). Среди авторов ревизионистских концепций по теме Куликовской битвы выделяются, например, «легендарные» Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко (Куликовская битва. <https://a-nevsky.ru/library/nosovskiy-fomenko-kulikovskaya-bitva.html?ysclid=m1236n52q8175997248>). Отметим, что «фоменковская» и иные «альтернативные» версии смогли стать популярными в том числе и потому, что, помимо письменных источников, отечественная историческая наука не смогла предъявить к концу XX в. достаточно объективных научных данных по вопросу о точном месте Куликовского сражения.

К 1980 г. (600-летний юбилей) советские ученые пришли к осознанию того, что информационные возможности и без того не вполне надежных письменных источников во многом исчерпаны. Особенно наглядно это было продемонстрировано при создании музейного собрания на территории Куликова поля: никаких достоверных археологических памятников, а значит, и экспонатов, по сути, не существовало (Наумов, Бурова, 2019, с. 14-17). Добавим, что якобы полное отсутствие археологических находок на территории Куликова поля – один из важнейших аргументов «альтернативщиков».

Все это побудило в 1980-е гг. руководство исторической науки СССР начать комплексное и всестороннее изучение территории Куликова поля. Более того, уровень научных знаний позволил понять, что, помимо археологических, в обязательном порядке нужно организовать и палеоботанические исследования для достоверной реконструкции ландшафта конца XIV в. Без этого дополнить сведения о сражении было невозможно.

В 1985 г. была образована Верхне-Донская археологическая экспедиция, в которую, среди прочих, вошли археологи Б. А. Фоломеев (1941-2001), М. И. Гоняный (1953-2020), А. Н. Наумов (р. 1965), специалист по исторической географии А. К. Зайцев (1939-2009), палеоботаник М. П. Гласко (1943-2014) и др. Уже в 1980-х гг. экспедиция начала активные изыскания (Наумов, Бурова, 2019, с. 23-27).

Следующий этап исследований начался в середине 1990-х гг. В 1996 г. был учрежден Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», что позволило вывести территорию поля из сельскохозяйственного оборота и организационно улучшить условия работы экспедиции. В 1995 г. под руководством М. И. Гоняного были начаты первые обследования поля с помощью металлодетекторов (Двуреченский, Бруснецов, Соловьев и др., 2020, с. 10-12), и к 2005 г. была выработана собственная методика использования этого инструмента. С 2002 г. в работу экспедиции включился военно-исторический отряд Государственного исторического музея (далее – ГИМ) во главе с О. В. Двуреченским (Наумов, Бурова, 2019, с. 107-108). Сегодня О. В. Двуреченский – один из основателей нового направления археологии: изучения «ратных полей» (Двуреченский, Бруснецов, Соловьев и др., 2020).

К завершению первого десятилетия XXI в. работы по всем указанным направлениям дали свои положительные плоды. Произошел подлинный научный прорыв в деле изучения «Донского побоища». В результате беспрецедентных по своему масштабу палеоботанических исследований под руководством М. П. Гласко (Гоняный, Александровский, Гласко, 2007, с. 83) было установлено, что левобережье Непрядвы в условиях более влажного и теплого климата конца XIV в. покрывали куда более обширные, чем сегодня, лесные массивы. Кроме того, балки и овраги также были существенно крупнее современных. Таким образом, в конце XIV в. площадь открытых пространств («плакоров») на территории Куликова поля значительно уступала нынешним. Следовательно, количество мест, на которых могла произойти битва, удалось свести до 3-х (Двуреченский, Бруснецов, Соловьев и др., 2020, с. 62-63, рис. 1, 2).

Полученные результаты позволили сократить площадь поисковых работ, что незамедлительно дало результат: в ходе археологических сезонов 2002-2015 гг. было выявлено несколько четких скоплений находок, которые вполне уверенно были идентифицированы как предметы вооружения и воинского обихода второй половины XIV в. Они же показали и участок сражения. Более того, в 2011-2015 гг. было обнаружено новое большое скопление

находок, расположенное к юго-западу от поля битвы. Судя по всему, археологам удалось найти место разгрома одного из бежавших отрядов Ордынского войска (Двуреченский, Бруснецов, Соловьев и др., 2020, рис. 17).

Таким образом, картина битвы теперь должна быть полностью переосмыслена. Территориально масштаб сражения оказался в несколько раз меньше традиционных представлений. Вместо 3,5-4 км по фронту боестолкновение проходило на поле размером не более 1 км в ширину и 2 км в длину. Кроме того, «ось» сражения теперь следует располагать не с северо-запада на юго-восток, как ранее, а наоборот, с юго-запада на северо-восток (Петров, 2003; Двуреченский, Бруснецов, Соловьев и др., 2020, рис. 15-16).

К настоящему моменту музей-заповедник «Куликово поле» организовал три публикации археологических находок. Еще в 2005 г. вышла статья О. В. Двуреченского «Находки предметов вооружения на Куликовом поле» (2005). В 2008 г. под его же редакцией был издан отдельный большой каталог находок (Реликвии Донского побоища..., 2008), который, помимо публикации самих предметов, содержал вступительную статью, повествующую о ходе археологических изысканий до 2008 г. В конце 2023 г. археологами заповедника «Куликово поле» Ю. А. Кулешовым, А. Н. Наумовым и Т. В. Наумовой (2023) был издан новый каталог, учитывающий результаты поисков за все время.

Кроме того, «классические» исторические и историографические исследования последних десятилетий также значительно продвинулись вперед. Во-первых, стоит упомянуть, что исследования источников XVIII-XIX вв. позволили подробно восстановить историю находок на территории Куликова поля в дореволюционный период. Еще с XVIII в. сохранилось множество сведений о том, что крестьяне во время пахоты находили предметы старого вооружения, нательные иконы и др. В частности, это было показано еще в 1990 г. в обширной статье научного сотрудника ГИМа М. В. Фехнер (1909-1996) (1990).

Более того, в XIX в. местные помещики-энтузиасты целенаправленно собирали подобные находки. Особое место здесь принадлежало Степану Дмитриевичу Нечаеву, который не только создал импровизированный музей находок, но и был автором нескольких публикаций в журнале «Вестник Европы» в 1821 г. Кроме него любительским собиранием вещей с поля занимался еще ряд энтузиастов. К сожалению, большинство этих частных собраний было потеряно в катаклизмах первой половины XX в. (Наумов, Бурова, 2019, с. 89-108). Кроме того, история любительских поисков в дореволюционной России детально изложена в последнем каталоге Ю. А. Кулешова и А. Н. и Т. В. Наумовых (2023).

Конец XX – начало XXI в. ознаменовался в отечественной науке взлетом военно-исторических исследований, которые во многом были инициированы школой А. Н. Кирпичникова. Как в работах самого основателя отечественной школы военной археологии и исторического оружиеведения, так и в трудах его учеников была дана обширная характеристика военного дела Руси XIV в. (Кирпичников, 1976; 1980). Сегодня мы хорошо знаем, что войско Московского и иных князей северо-восточной Руси было исключительно конным и состояло из служилых людей княжеских дворов, городских полков и боярских корпораций. Данные об участии в битве пехотных народных ополчений являются позднейшей выдумкой.

Что же касается одного из сложнейших вопросов темы – определения численности войск, – то и здесь важнейшие успехи были достигнуты лишь в последние десятилетия. Учитывая достаточно обширную историографию этой темы, позволим себе лишь ее краткий обзор.

Как известно, наиболее близкие к битве нарративные источники не давали никакой достоверной информации о численности русских или ордынских войск. Однако современные исследователи обратились к методу аналогии и попытались экстраполировать на XIV в. сведения более позднего времени, а именно XVI в. Это обусловлено тем, что от эпохи Василия III, Ивана IV и Федора Ивановича до нас дошло представительное количество документальных источников, доподлинно фиксировавших число воинов дворянской поместной конницы, собираемой с той или иной территории. Метод строится на аксиоме, что военная и экономическая мощь централизованного Московского государства, а также демографическая ситуация XVI в. не могли быть существенно хуже, чем в разрозненных и подчиненных Орде княжествах за полтора столетия до этого. И тем не менее численность контингентов русских ратей XVI в. насчитывала сотни (а иногда и десятки) и лишь изредка более тысячи человек. Например, во время самого крупного военного мероприятия XVI в., похода на Полоцк 1563 г., Московское царство Ивана IV «Грозного» выставило 36 тыс. человек, из которых только 18 тыс. были конными воинами (Пенской, 2018, с. 45-56). Современниками это число воспринималось как «бесчисленная рать». Кроме того, был накоплен опыт пристального изучения летописных сведений о боевых столкновениях в XIV-XV вв. в Восточной Европе с участием как войск русских княжеств, так и вооруженных контингентов соседних государств. Так, можно с уверенностью утверждать, что рати в несколько сотен профессиональных всадников были вполне обычным явлением в это время (Пенской, 2020).

Все эти данные, вкуче с новыми сведениями о реальном размере поля, позволяют сделать вывод о том, что русское войско едва ли могло превышать 15 тыс. конных воинов. Наиболее же вероятным признается диапазон в 7-12 тыс. (Двуреченский, 2014). Как мы уже отмечали выше, историография проблемы численности армий достаточно обширна. Чтобы избежать ее обзора, излишнего в нашем случае, предложим читателю обобщающую и наиболее актуальную статью признанного специалиста в области военного дела Руси XIV-XVII вв. В. В. Пенского (2020). В ней дается историографический обзор темы численности русского войска, суммируются аргументы самого автора, приводится критика альтернативных точек зрения.

Еще один аспект «традиционных» представлений о Куликовской битве, подвергшийся серьезному пересмотру, – это построение русского войска. Ранее уже отмечалось, что каноническим является сложное 6-ти полковое построение русской рати, состоящей из большого полка, полков правой и левой руки, передового полка, резерва и засадного полка. Современные представления о военном искусстве XIV – начала XV в.

позволяют считать, что построение, скорее всего, было намного проще и вряд ли включало в себя нечто большее, чем центр и два фланга. Русское военное дело конца XIV в. целиком основывалось на действиях тяжелой, «рыцарской», кавалерии, для которой сложные многочастные порядки не были характерны (Кирпичников, 1976, с. 15; Двуреченский, 2014, с. 125).

Откуда же появилась всем известная картина построения войска Дмитрия Ивановича? Еще раз обратим внимание, что «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище...» – памятники, появившиеся не ранее конца XV в. и в основном известные по спискам XVI-XVII вв. Однако уже со второй половины XV в. военное дело Русского государства стремительно изменилось. В этом столетии произошла так называемая «ориентализация» военного дела. Если воины Дмитрия Ивановича и его союзных князей представляли собой тяжеловооруженных всадников на крупных конях, использовавших в основном «рыцарскую» тактику таранного копейного удара, то их потомки через каких-то 70-100 лет выглядели и воевали уже совсем по-другому.

Русские воины времен Ивана III, Василия II и Ивана IV были вооружены на турецко-иранский манер и представляли собой легкую и среднюю конницу, главным оружием которой был «саадак» – лук со стрелами (Двуреченский, 2014, с. 93-110, 125-165; Шиндлер, 2017). Тактика войск в этот период сильно сместилась в сторону маневренного боя и перестрелок на расстоянии. И именно тогда появляются «Большой государев полк», передовой полк («ертоул»), полки правой и левой руки и др. Сомкнутые и плотные построения перестали быть обязательными. Другими словами, создатели знаменитых повестей Куликовского цикла конца XV – XVI в. попросту перенесли свои военные реалии на события конца XIV в. Таким образом, конкретный ход сражения, каким мы его знаем из учебников и популярной литературы, – позднейшая выдумка.

Справедливости ради, следует сказать, что ключевой момент битвы в ее традиционном изложении – удар Засадного полка Боброка-Волынского из дубравы – вполне мог быть реальным. В ходе палеоботанических исследований было установлено, что к северо-востоку от мест выпадения основной массы находок (т. е. у левого фланга русского войска), маркирующих место боестолкновения, действительно некогда располагалась дубрава. Более того, к западу от нее была обнаружена группа находок, как бы «изгибавшаяся» назад относительно предполагаемого левого фланга русского построения. Таким образом, несмотря на малочисленность фактических материалов, они никак не противоречат мнению о прорыве левого фланга войска Дмитрия Донского и удару по ордынцам засадного полка (Двуреченский, Бруснецов, Соловьев и др., 2020, с. 18).

Итак, к настоящему моменту картина событий, произошедших у берегов Непрядвы и Дона в 1380 г., уже достаточно далека от привычной, и это стало результатом долгих, масштабных и комплексных научных исследований. Существуют опасения, что новые данные способны принизить значение тех событий русской истории. Однако они совершенно беспочвенны.

Во-первых, были полностью опровергнуты псевдонаучные теории о том, что сами события 1380 года – выдумка. Теперь факт сражения у точки слияния Непрядвы и Дона подтвержден объективными материальными свидетельствами. Во-вторых, изучение военного дела и военно-экономических возможностей русских княжеств и вообще государств позднего Средневековья показало, что войско в 5-12 тыс. человек не было типичным по своему размеру, а являлось, возможно, самой крупной ратью в Восточной Европе в XIV в. Князь Дмитрий и его союзники собрали военные контингенты, которые только были доступны во всей Руси. Донское побоище было вполне сопоставимо, а в отдельных случаях даже превосходило по масштабу важнейшие сражения Столетней войны (1337-1453), проходившей как раз в ту же эпоху (Пенской, 2020, с. 347). Иными словами, на конец XIV в. Донское побоище было, едва ли, не самым масштабным сражением во всей западной Евразии.

Кроме того, новейшие научные данные позволили восстановить чисто военную логику действий войска князя Дмитрия и его полководцев. Например, судя по всему, стремительный поход на юг, навстречу войскам Мамаю, был решительным и рискованным маневром (учитывая, что Дмитрий «поставил на карту» все силы, которые только были доступны на тот момент), призванным перехватить инициативу у противника и навязать ему сражение в выгодных для русских условиях. Таким образом, современная наука полностью подтверждает (пусть и несколько иным путем) тот факт, что победа 1380 года была важнейшим событием русской средневековой истории и стала результатом военно-политического мастерства руководителей Московского княжества.

Изучение всех аспектов Куликовской битвы 1380 г. – пример подлинно научного и всестороннего исследования вопроса, который позволил значительно продвинуться в понимании реальных событий конца XIV в. За последние несколько лет вышло множество публикаций. Федеральный музей-заповедник «Куликово поле» проводит не только обширные научно-исследовательские работы, но и реализует научно-популярные и просветительские мероприятия. Кроме организации лекций, фестивалей, сотрудники музея выпускают популярную литературу (Кулешов, Наумов, Наумова, 2023; Куликовская битва..., 2023), ведут видео-блог (Музей-заповедник «Куликово поле». Официальный сайт. <https://kulpole.ru/about/oficialnaya-informaciya>; <https://www.youtube.com/@kulikovopole/playlists>) и т. д. Другими словами, новейшая научная информация по рассматриваемому вопросу является вполне доступной.

Вместе с тем нельзя не отметить парадоксальную ситуацию: описанные выше научные достижения продолжают оставаться в стороне от официального образования, а порой и от университетской науки. Долго и на многочисленных примерах доказывать это нет необходимости, приведем лишь отдельные факты.

Например, один из самых популярных учебников по истории России для 6 класса Т. В. Черниковой и К. П. Чиликина по традиции продолжает транслировать привычный сюжет: 100-150 тыс. человек как в русском, так и ордынском войске, пехота в центре построения, традиционная карта-схема и др. «Сказание о Мамаевом побоище» прямо названо важнейшим источником о событиях 8 сентября 1380 г. Отметим одну

любопытную деталь: авторы признают, что «Сказание…» повествует о сражении подробно, хотя, возможно, и не совсем точно» (Черникова Т. В., Чиликин К. П. История России с древнейших времен до начала XVI в. 6 класс / под общ. ред. В. Р. Мединского. М., 2021, с. 207-210).

Также можно привести в пример официальные базы или сборники для подготовки к Единому государственному экзамену (ЕГЭ), выпускаемые под эгидой Федерального института педагогических измерений (далее – ФИПИ). Этот случай весьма показателен, так как именно программа подготовки к ЕГЭ является концентрированным выражением требований общей программы исторического образования в школьном звене. Так, в сборнике типовых заданий для подготовки к ЕГЭ по истории под редакцией председателя предметной комиссии по истории ФИПИ И. А. Артасова легко можно найти задания по Куликовской битве в ее «каноническом варианте» (ЕГЭ. История: типовые экзаменационные варианты: 30 вариантов / под ред. И. А. Артасова. М., 2023, с. 147-148).

Это также касается и вузовских учебников для непрофильных специальностей. Казалось бы, учебная литература для высшего образования должна в большей степени соответствовать современным научным стандартам, тем не менее и она сохраняет инертность. Справедливости ради, следует отметить, что большинство современных учебников для высшей школы вообще не рассматривают Куликовскую битву подробно, ограничиваясь изложением причин события и его значения. В тех же редких случаях, когда текст описывает битву подробнее, опять «всплывают» 6 полков, 100-150 тыс. человек, народное ополчение и другие устаревшие штампы (Бравина М. А. История России для технических вузов: учебник для вузов. М., 2023; Соловьев К. А. История России: учебник и практикум для вузов. М., 2024; Касьянов В. В. История России: учебное пособие для вузов. М., 2024; Девятков С. В. История России: учебно-методическое пособие для студентов технических университетов. М., 2021).

Более того, даже после 2011-2015 гг. (когда важнейшие результаты научных исследований уже были опубликованы) в рецензируемых и рейтинговых периодических изданиях продолжают выходить как студенческие, так и вполне «взрослые» публикации о Куликовской битве, игнорирующие современные данные и базирующиеся на литературе не позднее 1980-х – 1990-х гг. издания (Бочаров, 2014; Зайцев, 2022; Исаков, 2018; Подлегаева, Барина, 2023).

Например, в некоторых статьях их авторы делают выводы о развитии тактики и военного дела XIV в. на базе «канонического» сюжета (Возный, 2010), в других – продолжают отстаивать факт численности русского войска в 90-150 тыс. человек. Причем этим они не пытаются полемизировать с результатами исследований М. И. Гоняного, О. В. Двуреченского, Ю. А. Кулешова, А. Н. Наумова, В. В. Пенского и др., что было бы логично и правильно. Они просто игнорируют их работы и их аргументацию (Аверьянов, 2021). Скорее всего, современные достижения продолжают оставаться неизвестными.

Отметим лишь один положительный факт широкого освещения Куликовской битвы с учетом современных данных официальными ресурсами. Речь идет об электронной версии Большой Российской энциклопедии. Статья энциклопедии, посвященная Куликовской битве, действительно отражает современное состояние знаний о сражении и проиллюстрирована принципиально новой схемой битвы (Куликовская битва 1380 // Большая Российская энциклопедия. <https://bigenc.ru/c/kulikovskaia-bitva-1380-9eb2e9?ysclid=m166j2tocb764804023>). Однако этот факт – единственный на данный момент.

Заключение

Таким образом, историографический обзор темы масштабов и географической локализации Куликовской битвы показывает, что до конца XX в. все исследования основывались на ненадежных литературных и летописных источниках. Специализированного изучения Донского побоища в военно-историческом ключе не проводилось. Именно поэтому до начала XXI в. (в некоторых же случаях до сих пор) в академической исторической науке всерьез не оспаривалось описание сражения, составленное в XIX в. на базе «Сказания о Мамаевом побоище», а также принимались на веру сведения о численности противоборствующих войск в 70-150-200 тыс. человек. Эта концепция оказалась весьма уязвимой для ревизионизма и фальсификаций на рубеже столетий.

После 1980 г. были начаты системные археологические изыскания сотрудниками Верхнедонской экспедиции, а позже – музея-заповедника «Куликово поле». Только к началу XXI в. они дали результат: находки на месте сражения были найдены, и локализация битвы сегодня является твердо установленным научным фактом. Кроме того, широкие военно-исторические исследования позволили значительно скорректировать данные о численности участвовавших в сражении войск. Таким образом, научное описание Куликовской битвы сегодня существенно отличается от представлений прошлого. Однако изучение содержания современной учебной литературы и ряда публикаций в научных изданиях показывает, что новейшие данные исторической науки уже много лет так и не находят в них применения.

Пример Куликовской битвы как факта общественного дискурса иллюстрирует общую ситуацию со слабым внедрением научных достижений в область образования и просвещения. Куликовская битва продолжает в общественном сознании основываться если не на мифах, то, по крайней мере, на сильно устаревших представлениях (что, по нашему мнению, в сущности, одно и то же). И это в то же время, когда значительные силы научного сообщества работают над качественным изучением данной темы и популяризацией результатов этих трудов.

Этот факт особенно актуален в наше время информационных войн и нападков на историческую память. Только прочные научные, верифицируемые данные должны лежать в основе исторического просвещения и формирования исторического самосознания молодежи. Результаты же воспитательной работы, построенной

на национальной мифологии, чаще всего бывают непрочными. Ведь, как известно, исторический миф – максимально уязвимый предмет для фальсификаций.

Источники | References

1. Аверьянов К. А. Куликовская битва: демографические потери Руси // Историческая демография. 2021. № 1 (27). <https://doi.org/10.19110/2304-5922-2021-1-4-10>
2. Азбелев С. Н. Куликовская победа в народной памяти. Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
3. Амелькин А. О. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2011.
4. Белый К. В. Методы и приемы фальсификации истории на примере Куликовской битвы // Информационные войны. 2022. № 2 (62).
5. Бочаров В. А. К вопросу о значении Куликовской битвы для развития военного дела // Гуманитарные проблемы военного дела. 2014. № 1 (1).
6. Возный И. П. Военное искусство в Куликовской (1380) и Грюнвальдской (1410) битвах (сравнительный структурный анализ) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 2.
7. Гоняный М. И., Александровский А. Л., Гласко М. П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007.
8. Двуреченский О. В. Масштабы Донского побоища по данным палеографии и военной археологии // Военские традиции в археологическом контексте. От позднего латена до позднего средневековья: материалы конференции. Тула: Куликово поле, 2014.
9. Двуреченский О. В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле // Куликово поле и Донское побоище 1380 года: коллективная монография. М., 2005.
10. Двуреченский О. В., Бруснецов О. А., Соловьев Д. Б., Шевяков Е. С. Ратные поля как особый вид памятника археологии // Военная археология: сборник материалов научного семинара. М.: ИА РАН, 2020. Вып. 6.
11. Журавлев А. Была ли Куликовская битва? // NATIONAL GEOGRAPHIC. Россия. Анские воины. Инки, вселяющие страх и ужас. 2011. № 4.
12. Зайцев Д. Д. Планы сторон и соотношение сил в Куликовской битве 1380 года // Молодой исследователь: от идеи к проекту: материалы VI студенческой научно-практической конференции (г. Йошкар-Ола, 26-29 апреля 2022 года) / отв. ред. Д. А. Михеева. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2022.
13. Исаков В. А. Проблемы реконструкции плана Куликовской битвы // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 1 (29).
14. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л.: Наука, 1976.
15. Кирпичников А. Н. Куликовская битва / под ред. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980.
16. Кулешов Ю. А., Наумов А. Н., Наумова Т. В. Следы великого сражения. Свод находок с поля Куликовской битвы. Тула: АНО «Третий путь», 2023.
17. Куликовская битва: вопросы и ответы / под ред. В. П. Гриценко, А. Н. Наумова. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2023. Вып. I, II, III.
18. Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8.
19. Наумов А. Н., Бурова О. В. Тайны и загадки поля битвы. Современные историки и археологи о Куликовом поле. Тула: Государственным музей-заповедник «Куликово поле», 2019.
20. Пенской В. В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: «Центрполиграф», 2018.
21. Пенской В. В. Возвращаясь к вопросу о численности русской рати на Куликовом поле // Археология евразийских степей. 2020. № 6. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.337.353>
22. Петров А. Е. Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13).
23. Подлегаева И. О., Баринаева Е. П. Куликовская битва: спорные вопросы историографии // XLIX Самарская областная студенческая научная конференция: тезисы докладов (г. Самара, 10-21 апреля 2023 года). СПб.: ООО «Эко-Вектор», 2023.
24. Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле / авт.-сост. О. В. Двуреченский. М.: Квадрига, 2008.
25. Скрынников Р. Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // 600-летие Куликовской битвы: тезисы докладов и сообщений юбилейной научной конференции 8-10 сентября 1980 г. М., 1980.
26. Собенников А. С. Историческая мифология в СССР: Куликовская битва // Специальная техника и технологии транспорта. 2022. № 15.
27. Собенников А. С. Куликовская битва в советской литературе: от факта к мифу // Специальная техника и технологии транспорта. 2023. № 19.
28. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Изд-е 2-е. СПб., 1895. Кн. 1.
29. Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве / изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: АН СССР, 1959.
30. Усманов С. М. Донская победа России и ее нынешние противники // На пути к гражданскому обществу. 2011. № 3-4.

31. Фехнер М. В. Находки на Куликовом поле // Куликово поле: материалы и исследования. М., 1990.
32. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960.
33. Шиндлер О. В. Заметки об ориентализации и смене «доспешной моды» (отзыв на статьи Быкова А. В., Несина М. А., Комарова О. В., Панкратова А. Г., Бузденкова Д. Е., Кулешова Ю. А., Пенского В. В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015») // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч. III.
34. Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва. М.: ООО «Изд. центр “Экспринт”», 2001.

Информация об авторах | Author information



Боровков Дмитрий Сергеевич¹, к. ист. н.

¹ Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург



Dmitrij Sergeevich Borovkov¹, PhD

¹ Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

¹ dsborovkov.urimp@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.05.2025; опубликовано online (published online): 26.06.2025.

Ключевые слова (keywords): Куликовская битва; Донское побоище; археология Куликова поля; Верхнедонская археологическая экспедиция; историческая память о Куликовской битве; мифы о Куликовской битве; масштабы Куликовской битвы; Battle of Kulikovo; Battle of the Don; archaeology of the Kulikovo field; Upper Don archaeological expedition; historical memory of the Battle of Kulikovo; myths about the Battle of Kulikovo; scale of the Battle of Kulikovo.